
УДК 81'42

ББК 81.0

П 16

Пантелеева Т.Ю.

Доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических и информационно-правовых дисциплин Новороссийского филиала Краснодарского университета МВД России, соискатель кафедры общего языкознания Адыгейского государственного университета; e-mail: zemlya-ah@yandex.ru

Ахиджакова М.П.

Доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Адыгейского государственного университета; e-mail: zemlya-ah@yandex.ru

**Аспекты лингвистической системности в законодательной
базе как первичном дискурсивном пространстве**
(Рецензирована)

Аннотация:

Рассматривается грамматическое толкование смысла и содержания лингвистической системности в законодательной базе. Показано, что первичное дискурсивное пространство смысла и содержания закона как процесс познания не является «чисто» языковым или «чисто» логическим, процесс этот – логико-языковой. Отмечается, что основу законодательного текста составляют знаковые уровни языка, образованные единицами языка или комбинациями единиц, заменяющими или указывающими на внеязыковую сущность. Установлено, что закон, будучи продуктом сознательно-волевой деятельности, становится открытым к познанию и реализации, когда обретает языковую форму.

Ключевые слова:

Дискурсивное пространство, знаковые уровни языка, грамматическое толкование, языковое толкование.

Panteleeva T.Yu.

Associate Professor of the Humanities, Social-Economic and Information-Legal Disciplines, Novorossiysk Branch of Krasnodar University of Ministry of Internal Affairs, Russia, Applicant for Candidate's degree of General Linguistics Department, Adyghe State University; e-mail: zemlya-ah@yandex.ru

Akhidzhakova M.P.

Doctor of Philology, Professor of General Linguistics Department, Adyghe State University; e-mail: zemlya-ah@yandex.ru

Aspects of linguistic systemness in legislative base as primary discourse space

Abstract:

The paper discusses grammatical interpretation of sense and content of a linguistic systemness in legislative base. Primary discourse space of sense and content of the law as a process of cognition is shown to be not “purely” language or “purely” logic, this process

is language-logic. The basis of the legislative text is noted to be made of sign levels of language formed by language units or combinations of units, replacing or indicating the extra language essence. It has been established that the law, being a product of conscious and strong-willed activity, becomes open to knowledge and realization when it finds a language form.

Keywords:

Discourse space, sign levels of language, grammatical interpretation, language interpretation.

Уяснение смысла и содержания закона начинается с прочтения и анализа его текста, что в юридической литературе принято называть грамматическим толкованием. В любом современном учебнике уголовного права мы найдем описание правил грамматического толкования. Они обычно сводятся к рекомендациям уяснять словесную формулу закона на основе правил грамматики, морфологии и синтаксиса, выявлять значение отдельных слов и терминов, согласование их в роде, числе, падеже, учитывать союзы и знаки препинания.

Конвенционально и его название. В нашей научной и учебной литературе (это касается и общей теории права) термин «грамматическое толкование» является настолько устоявшимся, что другие обозначения почти не встречаются. Редко употребляются прилагательные «текстовое», «текстуальное» (И. Грязин), «терминологическое» (И.Е. Фарбер, при отрицании грамматического толкования), «словесное» (Т.В. Губаева), «языковое» (А.Ф. Черданцев, Н.И. Хабибулина, Т.В. Кондрашова).

Заметим, во-первых, что уяснение смысла и содержания закона как процесс познания не является «чисто» языковым или «чисто» логическим, процесс этот – логико-языковой. Данный вывод базируется на основных методологических положениях философии, логики и лингвистики о соотношении языка и мышления: мышление и язык находятся в неразрывном органическом единстве; природа мышления как обобщенного и опосредованного отражения действительности, а также природа языка как формы выраже-

ния мышления, важнейшего средства общения, обмена мыслями между людьми не могут быть поняты, если мышление и язык рассматривать изолированно, в отрыве друг от друга [1: 354].

Во-вторых, трудно представить себе «неосмысленную законодательную волю», к тому же не объективированную в языке. В настоящее время законодатель не имеет (и никогда не имел!) другой формы воплощения своего волеизъявления, нежели чем через естественный (для УК РФ – русский) язык. Закон, будучи продуктом сознательно-волевой деятельности его автора-творца, становится открытым к познанию и реализации только тогда, когда обретает языковую форму. Поэтому вполне закономерно, что толкование начинается с уяснения языковой формы выражения законодательных предписаний.

Изложенные соображения в защиту самостоятельности рассматриваемого вида толкования одновременно высвечивают его спорность, которая видится в несоответствии его почти общепризнанного названия «грамматическое» специфике его содержания, совокупности используемых приемов и правил. Оно не согласуется с понятием языка, определяемым лингвистами как «система звуковых, лексических и грамматических средств» [2: 1].

Основу законодательного текста составляют знаковые уровни языка, образованные единицами языка или комбинациями единиц, заменяющими или указывающими на внеязыковую сущность (предмет, свойство, отношение, событие, положение дел), когда последняя становится предметом мыслительно-речевой

деятельности. «Язык вбирает в себя всевозможные комбинации результатов жизнедеятельности человека...» [3: 184]. К ним относятся лексика и грамматика. Соответственно, интерпретация уголовно-правовых норм предполагает анализ языка в целом, а не только его грамматического уровня. Если бы мы осуществляли такое толкование в смысле, строго соответствующем понятию грамматик в лингвистике, дело ограничивалось бы исследованием текста уголовного закона исключительно с позиций словообразования, морфологии и синтаксиса. Практически это означает выявление структуры (основы и окончания) отдельных слов, их принадлежности к определенной части речи, выяснение рода, числа, падежа (для имен существительных и прилагательных), лица, времени, наклонения (для глаголов) и т. п., а также установление типа предложения, составляющих его членов, согласования слов в словосочетании и предложении и т.д. Бесспорно, это необходимый этап в уяснении содержания любой уголовно-правовой нормы, но не единственный. К примеру, с точки зрения морфологии слово «лицо» является именем существительным, нарицательным, среднего рода, с колебанием в выражении категории одушевленности-неодушевленности, способно изменяться по падежам и числам, выступать в роли члена предложения.

Причем следует учитывать и возможность изменчивости лексического значения при неизменности грамматического. Невозможно осуществить собственно грамматическое толкование, минуя лексический уровень языка. По нашему мнению, применительно к данному случаю юристам следует руководствоваться концептуальными положениями языкознания, которые заключаются в следующем:

1) общественная природа языка обнаруживается, прежде всего, в его лексике;

2) основной значимой единицей языка является слово;

3) совокупность слов языка составляет его лексику;

4) слово – важнейшая структурно-семантическая единица языка, служащая для наименования предметов, процессов, свойств, явлений, отношений действительности;

5) в любом знаменательном слове совмещаются два значения – лексическое и грамматическое;

6) лексическое значение – это содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве, процессе, явлении;

7) грамматическое значение слова выступает как добавочное к лексическому и определяет его принадлежность к определенной части речи, а также особенности его видоизменения (склонение, спряжение);

8) слова отличаются преимущественное употребление в соединении с другими словами: в процессе общения из слов строятся словосочетания, а из последних – предложения.

В связи с изложенным *единственным термином, точно и полно выражающим содержание рассматриваемого вида толкования, представляется «языковое» толкование*. Все иные упомянутые выше названия неадекватно отражают реальный процесс уяснения законодательных предписаний.

Реальной единицей в живой речи является предложение. Мы говорим не словами, а предложениями, состоящими из слов. Слово и предложение взаимно предполагаются и обуславливаются. Их соотношение есть соотношение части и целого, в котором целое составляется из частей, которые получены в результате разложения целого [4: 49].

В юридической литературе справедливо отмечается необходимость единообразия толкования и применения уголовно-правовых норм, что достижение такого единообразия во многом зависит от совершенства языка уголовного закона,

соответствующего требованиям точности и ясности. В связи с этим интегрированными усилиями ученых различных специальностей было сформулировано одно из основных языковых правил законодательной техники «одно понятие – один термин» [5: 31, 191]. Оно гласит: как внутри одного нормативного акта, так и в рамках целой отрасли права одно и то же понятие должно последовательно и неуклонно определяться одним термином; в то же время и один термин не должен использоваться для обозначения различных, не совпадающих между собой понятий [6: 103].

В рамках рекомендаций по реализации данного правила почти общепризнанным является отрицание допустимости многозначности (полисемии) терминологии в законодательных текстах. Но, как видно на примере многозначного термина «лицо», правило об однозначности терминологии законодателем не выдерживается, и ситуация выглядит похожей на дефект языка уголовного закона.

Гипотетически можно пойти по пути, предложенному Г.О. Петровой, изменив название ст. 19 УК РФ «Общие условия уголовной ответственности» на «Лицо, совершившее преступление», и ввести в УК РФ новую главу «Лица, потерпевшие от совершения преступления», дав понятие потерпевшего [7: 114]. Можно использовать в тексте уголовного закона новый (для УК РФ) термин «субъект преступления», воспользовавшись опытом УК Украины (ст. 18). Эффект, полагаем, будет невелик, за исключением приведения терминологии в соответствие с правилом «одно понятие – один термин».

Не оспаривая полезность общего правила об однозначности терминологии и необходимость максимально возможного отказа от многозначности (полисемии), следует, видимо, признать их тем идеалом, к которому необходимо стремиться законодателю. Его полномасштабное воплощение в языке уголовного закона было бы неопределимым и весомым вкла-

дом в решение проблемы единообразного понимания и применения уголовно-правовых норм. Вместе с тем, очевидно, что в целом, т.е. относительно всего текста УК РФ, полностью исключить многозначность терминологии невозможно по объективным причинам. На примере «лица» видно: если слово многозначно в естественном языке, это с неизбежностью проявляется в языке уголовного закона. Поэтому, полагаем, что *главная задача законодателя состоит в уточнении значения многозначного слова (при отсутствии адекватного по смыслу однозначного слова) за счет ближайшего контекста, в котором оно используется.*

Выявленные особенности побуждают перейти к проблеме толкования как аспекту лингвистической системности в исследуемом пространстве. Французские семиотики Г. Греймас и Ж. Куртес находят соответствие между дискурсом и выдвинутым советскими семиотиками (Ю.М. Лотман и др.) понятием «вторичные моделирующие системы», строящиеся на основе «первичной моделирующей системы», каковой выступает естественный язык [8], в котором толкование – процесс обычной (по форме) мыслительной деятельности. И в практической работе следователя, прокурора, судьи этот процесс осуществляется как бы безотчетно, автоматически. В тех случаях, когда формулировки закона просты, доступны, точны и ясны (с точки зрения конкретного познающего субъекта), законодательная мысль, образно говоря, лежит на ладони интерпретатора. Но и тут, пусть и без акцентирования внимания, происходит «перевод» языка законодателя на язык правоприменителя с позиций специфики гуманитарной мысли, направленной на чужие мысли, смыслы, значения и т. п., реализуемые и данные исследователю только в виде текста. При уяснении смысла и содержания уголовного закона в таких случаях еще не требуется прибегать к каким-либо специальным языковым правилам толкования,

оно происходит на уровне общих знаний правил русского языка, которых, к примеру, вполне достаточно для понимания альтернативности наказаний, перечисленных в санкциях через слова *или, либо*.

Однако подобных «простых» ситуаций немного. Во-первых, положение меняется, если язык уголовного закона не соответствует требованиям точности, ясности, простоты и доступности. Во-вторых, необходимо учесть, что данные понятия являются достаточно субъективными категориями. Элементарно это объяснил А.А. Ушаков: «Что просто для одного, может быть трудным для другого» [9: 154]. Более сложные объяснения дают нам феноменология, семиотика, герменевтика, психолингвистика и психосемантика: «Словесный знак аккумулирует, наряду с общепринятыми, еще и личностные смыслы, которые у разных людей просто не могут абсолютно совпадать» [10: 49]. «Выбор того или иного варианта значения правовой нормы во многом предопределен миром повседневности интерпретатора, социально-культурными ценностями, полученными им в процессе социализации» [11: 42].

Поэтому при толковании уголовного закона наряду со знанием правил русского языка необходимо использование специальных правил языкового толкования, вытекающих из специфики права.

Интересно, что в ч. 2 ст. 105 УК РФ предусмотрено убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, *а равно* сопряженное с похищением человека либо захватом заложника (п. «в»); убийство из корыстных побуждений или по найму, *а равно* сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом (п. «з»); убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, *а равно* сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера (п. «к»). При этом союзы *или, либо* служат для связи однородных членов пред-

ложения, союз *а равно* – для связи частей сложносочиненного предложения. Из общезыкового толкования разделительных союзов *или, либо* и присоединительных союзов *а равно, а также* следует, что альтернативность признаков состава означает однородность характера и близкой степени их общественной опасности.

Слова для законодательного текста отбираются из общего словарного состава, и поэтому необходимо учитывать идиоматичность – свойство слов, с помощью которых конструируются нормы права. Как видим, в тексте закона обычное слово, в том числе незнаменательное, приобретает некий новый оттенок значения, обусловленный тем, что слово становится неотъемлемым компонентом правовой нормы как единого, цельного знака со специфическим юридическим смыслом. Это проявляется даже на уровне словообразования. Так, в тексте УК РФ многозначная приставка *при-* придает словам разное значение: 1) совершение действия не в полном объеме (*приготовление*); 2) доведение действия до конца (*приискание, приобретение*).

Поэтому в рассматриваемом аспекте в качестве основных языковых правил, как представляется, могут быть предложены следующие: 1) наличие легальной дефиниции термина строго очерчивает его смысловое поле, в таком именно смысле он и должен быть понимаем («преступление», «неоднократность», «соучастие» и др.); 2) значение термина, установленное законодателем для одной отрасли права («имущество» в ГК РФ, «доход» в НК РФ), нельзя без достаточных оснований распространять на терминологию уголовного закона; 3) при неясности или многозначности слова (термина) следует выбирать то значение, которое соответствует его ближайшему контексту (статья УК); 4) если значение слова (термина) не может быть определено в ближайшем контексте, необходимо обратиться к дальнему контексту, сопоставив параллельные места.

Эффективность способа уточнения в ближайшем контексте наглядно проявляется при контекстовом анализе термина *вред*. В некоторых статьях Общей части УК РФ (39-42, 67, 75, п. «в» ч. 2 ст. 90, ч. 1, 3 ст. 91) термин *вред* является заменой семантически адекватному фразеологизму *общественно опасные последствия*, и их смысловые поля полностью совпадают. Использование того же самого термина *вред* в другом контексте приводит к сужению его смыслового поля. Сужение происходит за счет исключения некоторых видов общественно опасных последствий. Достигается это путем указания на потерпевшего: «лицо загладило причиненный потерпевшему вред» (ст. 76 УК РФ); либо описания ситуации: «причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны» (ст. 37), «причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании» (ст. 38). В первом случае из круга общественно опасных последствий исключается организационный и экологический вред. Во втором – исключаются названные виды вреда, а также психический и социальный вред.

В Особенной части УК РФ законодатель очерчивает семантическое (смысловое) поле термина *вред* путем называния отдельных видов последствий. Происходит это двояким образом: с указанием на величину, например, «причинение тяжкого (средней тяжести, легкого) вреда здоровью человека», и без таковой. Данный способ менее эффективен с точки зрения точности и ясности языка уголовного закона. Он

требует от интерпретатора значительных умственных и временных затрат на конкретизацию величины вреда. Априорно считается, что для грамотного юриста особого труда это не составляет. Но при том, что зачастую ситуация осложняется альтернативностью последствий и отсутствием законодательного указания на форму вины в конкретном составе преступления, трудности в толковании все же существуют.

Яркий пример не универсальности уточнения в ближайшем контексте – полисемичный (многозначный) термин *насилие*. В уголовном законе он обозначает и способ действия, и компонент составного деяния, и его результат. Термин *насилие* широко употребляется по тексту Особенной части УК РФ. При этом законодатель либо уточняет насилие как *опасное для жизни или здоровья* (в 14 статьях УК), как *не опасное для жизни или здоровья* (в 12 статьях УК), либо не уточняет вообще (в 25 статьях УК). Установить содержание понятий *насилие* (без определительной конструкции) и *насилие, опасное для жизни или здоровья* невозможно без обращения к дальнему контексту – ст. 111, 112, 115 УК РФ.

Кроме вышеназванных четырех основных правил существуют и иные правила языкового толкования уголовного закона. Позже, воспользовавшись работами Е.В. Васьковского, И.С. Перетерского, П.Е. Недбайло, Е. Врублевского и учитывая практику толкования, А.Ф. Черданцев сформулировал одиннадцать языковых правил, назвав их правилами юридической науки и отделив от правил языка.

Примечания:

1. Мышление и язык. Аннотация к сборнику и статья Е.М. Галкиной-Федорук. О форме и содержании в языке / Под ред. Д.П. Горского. – М., 1957. – 408с.
2. Ивакина Н.Н. Профессиональная речь юриста: Учебное пособие. – М., 1997. – 348с.
3. Ахиджакова, М.П. Межкультурные основы в текстовом аспекте современной лингвистики // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение» – М: изд-во АГУ, 2012. – Вып.1. – С. 182-187.
4. Спиркин А.Г. Происхождение языка и его роль в формировании мышления. Мыш-

-
- ление и язык / Под ред. Д.П. Горского. – М., 1957. – С. 47-51.
 5. Законодательная техника: Научно-практическое пособие / Под ред. Ю.А. Тихомирова. – М., 2000. – 272с.; Язык закона / Под ред. А.С. Пиголкина. – М., 1990. – 200с.; Савицкий В.М. Язык процессуального закона (вопросы терминологии). – М., 1987. – 288с.
 6. Законодательный процесс. Понятие. Институты. Стадии: Научно-практическое пособие / Отв. ред. Р.Ф. Васильев. – М., 2000. – 320с.
 7. Петрова Г.О. Норма и правоотношение – средства уголовно-правового регулирования. – Нижний Новгород, 1999. – С. 102-188.
 8. Greimas A., Courtes J. Semiotique: Dictionnaire raisonne de la theori du langage. – Paris, 1979. – 424p.
 9. Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики: Учебное пособие. – Пермь, 1967. – 206с.
 10. Губаева Т.В. Словесность в юриспруденции. – Казань: Изд-во Казанского университета. 1995. – 301с..
 11. Хабибулина Н.И. Толкование права: новые подходы к методологии исследования. – СПб. – 2001. – 92с.

References:

1. Thinking and language. Annotation to the collection and the article by E.M. Galkina-Fedoruk. On the form and content in language / Ed. by D.P. Gorsky. – М., 1957. – 408 pp.
2. Ivakina N.N. The professional speech of a lawyer: a manual. – М., 1997. – 348 pp.
3. Akhidzhakova, M.P. Intercultural bases in the text aspect of modern linguistics // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts» – М.: AGU publishing house, 2012. – Issue 1. – P. 182-187.
4. Spirkin A.G. The origin of language and its role in the formation of thinking. Thinking and language / ed. by D.P. Gorsky. – М., 1957. – P. 47-51.
5. Legislative technique: A scientific and practical manual / ed. by Yu.A. Tikhomirov. – М., 2000. – 272 pp.; The language of law / ed. by A.S. Pigolkin. – М., 1990. – 200 pp.; Savitsky V.M. The language of the procedural law (terminology questions). – М., 1987. – 288 pp.
6. Legislative process. Concept. Institutes. Stages: Scientific and practical manual / ed. by R.F. Vasilyev. – М., 2000. – 320 pp.
7. Petrova G.O. Norm and legal relationship – the means of criminal and legal regulation. – Nizhny Novgorod, 1999. – P. 102-188.
8. Greimas A., Courtes J. Semiotique: Dictionnaire raisonne de la theori du langage. – Paris, 1979. – 424p.
9. Ushakov A.A. Sketches of the Soviet legislative stylistics: a manual. – Perm, 1967. – 206 pp.
10. Gubayeva T.V. Language and literature in law. – Kazan: The Kazan University publishing house. 1995. – 301pp.
11. Khabibulina N.I. The interpretation of law: new approaches to research methodology. – SPb. – 2001. – 92 pp.